

Павел Рыбкин

Чтобы что?

+ + + +

*Кропотов, можно ли нам не болеть,
Знав, что Ермолка возмог околеть?
Н.Е. Струйский*

Можно ли быть мне спокойным и впредь,
Зная, что Пушкин возмог околеть,
Зная, что Лермонтов тоже возмог
И что Некрасов, Случевский и Блок,
И что вся соль нашей русской земли –
Все околеть возмогли?

Может, и сам я когда возмогу.
Может, я силы пока берегу.
Явится вся королевская рать –
Тут-то и стану я околевать.
Птички уснули в саду. Значит – ночь.
Думаю, должен возмочь.

+ + + +

Едва мы раскроем глаза и свой слух отомкнем,
Очнувшись – все трое – от неких мучительных грез,
Как слышно: гудит где-то рядом, почти под окном,
Изысканный мусоровоз.

Ребристый контейнер, тугой гидравлический пресс,
Под ящик для смета на диво рукастый захват...
Он мог появиться здесь разве что прямо с небес.
Как минимум – с озера Чад.

Им правит мужчина с лицом молодого вождя,
А черная дева трусит за ним следом – с совком.
Всего пять минут, чтоб, подъезд за подъездом пройдя,
На сутки оставить наш дом.

И сын беспокоится, рвется, бедняга, к окну,
Он просится на руки: нужно ему посмотреть,
Как с грохотом канут бутылки, и, сыто икнув,
Утроба набьется на треть

(А может – и более), нужно поглубже вдохнуть
в себя этот выхлоп – меж рам просочившийся яд...
Я сам замечаю, как вдруг расправляется грудь
И ясным становится взгляд.

Я помню, что много чудесного видит земля.
Но мы здесь – все трое – чудеснейший сведали плес.
Ты слышишь? Гудит где-то, воздух снарядом сверля,
Изысканный мусоровоз.

+ + + +

«Кто последний на кровь из пальца?»

Отвечаю: «Наверно, я».

Очередь залупается:

«Это как еще посмотря».

Потому что нет на из вены,
на из жопы, на из башки.

Потому что все на изменах:
дети, женщины, старики.

Потому что два кабинета,
просто сотый и сотый А.
И нельзя добиться ответа,
кто туа здесь, а кто – сюа.

Это просто слова – «Глюкоза»,
«Общий» и «Протромбин».

Очередь прет косо,
образует живой клин.

Разотрет по предметным стеклам,
переложит мятым квитком
да и отправит на около-
солнечную, плевком –

к плевкам, что так дивно щерятся
лучами в созвездье Рыб.

«Кто последний на кровь из сердца?»

«... Leave your message after the beep»...

+ + + +

Я знаю, знаю, они есть –
святилища скуки.
И всякий знает, да не всяк
решал помолиться
и сбить с себя тупую спесь
житейской науки,
попав как минимум в кабак,
а лучше – в больницу.

А лучше – главный храм: вокзал!
Смоленые шпалы.
Киоск с газетами, буфет,
где вымя и херес.
Перрон скребущая кирза
и пыль как начало
начал, поскольку марафет –
он хуже, чем ересь.

Опасней даже, чем рицин:
прибрался – распластан.
И черти лезут на чердак,
сшибая засовы.
У скуки есть свои жрецы
и некая паства,
уже не помнящая, как
остаться пасомой.

Я ни из тех, ни из других,
хоть сам прихожанин
контор жилищных, яслей, школ,
балконов и лоджий,
в конце концов. Но этот жмых –
еще не скрижали,
и час покуда не пришел,
верховный мой отжим.

Я не из этих, не из тех,
кустарь-одиночка.
Причем – вполне себе ручной,
вполне себе мирный.
Возможно, так скучать – и грех,
но тянется строчка
совсем не храмовой горой –
чердачной кумирней.

+ + + +

– Ты территориально где?
– Я территориально в жопе.
Стержня в реакторе застопил
И лег на грунт. Я перебзде...

– Ты территориально как?
– Я территориально в сисю.
Я норму, кажется, превысил.
Опять не рассчитал, дурак.

– Ты территориально что?
– Я территориально прыщик.
Мелочи по карманам тырщик,
Лошок позорный. На все сто.

– Ты территориально с кем?
Мне территориально не с кем.
Живу при песенках довеском,
Но с ликом темным на доске.

Ведь территориально где?
Ведь территориально – в Бозе.
Нет, не почил: хватился оземь
И встал при белой бороде.

Я территориально – виждь,
Я территориально – внемли,
Чтоб мог Ты на подушке вышить
Мне Муми-маму или Хемуля.

Прости, сбиваюсь. Заболтал
Я сам себя. На, дай мне в дыню.
Раз в бляенье звенит металл,
Раз бляенье – паче гордыни.

Мне территориально - клеть,
Тут, на каталке, в коридоре.
А если песенку допеть,
То мимо всяких территорий.

+ + + +

Времени половина уже,
Времени – половина.
Застыл на склоне, на рубеже,
А хотелось сойти лавиной.

Времени уже скоро домой,
Времени уже скоро.
А мы нигде еще ни ногой,
Не покинули даже город.

Времени уже время спать,
Времени уже время.
А у нас – неубранная кровать,
И к простынке присохло семя.

И не в сумрачном это значит лесу,
И не в жаркой значит пустыне.
Это значит – не выдержу, не снесу,
Если меня не сдвинет

С места какой-нибудь там пророк
Или ангел, или – повыше.
Времени уже вышел срок,
Временем же и вышел!

Явственно подбивается счет,
Хотя кони никто не двинул.
Времени половина еще,
Времени – половина.

В ПОРЯДКЕ БРЕДА

Дерьмо – оно и есть дерьмо:

И на плаву, и на виду

Собой любит себя само

Везде, куда бы ни приду.

М.Г. Ложников

Везде, куда бы ни приду,
Везде, куда бы ни приду,
Народ живет как бы в бреду,
Как бы под банкой –

В полусознанке.

При этом дивный сей народ

Себя без усталости дерет

И в пуп, и в гузно.

Мне очень грустно.

Любой, кого бы ни спрошу,

Любой, кого бы ни спрошу,

Трясется за свою паршу,

Как за святыню.

Пока не вкинет.

Тогда, конечно, мир иной

Сквозь слез мелькает им порой

В лучах заката.

И жизнь просрата.

И все, чего бы ни пойму,

Да, все, чего бы ни пойму,

Сопrotивляется уму,

В башку не лезет.

Все – ржа и плесень.

Они же – глубина и высь.

Пора, красавица, проснись.

Давно уж утро.

Вставай, лахудра.

За падью – пядь, за гладью – гадь.

Как приспевает помирать –

всегда за что-то,

такая льгота.
Но все, за что бы ни помру,
Да, все, за что бы ни помру,
Мне глубоко не по нутру
И не по нраву.
Одна отрава.

Ломоть, который бы ни съем,
Печаль, кому бы ни повем,
знают, что жизнь богаче схем,
Что камнем в брюхе
Лежать краюхе,
Что случай – выше, чем Судьба
И что бывает голытьба,
Где всяк – апостол.
И очень просто.

Слова, какие б ни скажу,
Слова, какие б ни скажу,
Понятны, в общем, и ежу:
И так ведь ясно,
Что жизнь прекрасна.
Но все ж, пока сучится нить,
Я обязался – говорить.
Пусть брешет песик,
А ветер носит.

Из «НЕ ПИШЕТСЯ»

Нажевать бы стихи, как мякиш,
Осторожно сплюнуть в ладонь
И обдуть слегка. Да, не так уж
И хорош этот Твой - огонь.

Прах мудрее дикого мяса.
Кровь дымится – родится ложь.
Нам бы не словеса, а – лясы,
Не глаголы, а так – бубнеж.

Ибо всех прорицаний краше
Соседский кашель глухой.
Наша речь – это бабий нашепт
На все, что есть под рукой.

И чего нету – тоже.
На ту же звезду в окне
Мы, расстаравшись, можем
Наговорить – вполне.

Вырыл в земле ямку,
Вылезши в огород,
И тихо туда прошамкал:
“Боже, я – идиот!”

Не надо влагать угли
И отверзать – грудь.
Перетрогали, перещупали,
Нажевали. Теперь – срыгнуть

И заткнуться. Тебе урона
В том не будет, и нам – беды...
Разве дай лишь наговоренной
В рот мне набрать воды.

+ + +

Я тороплюсь,
Да, я тороплюсь,
Как накануне отъезда.
Дебет с кредитом, минус – плюс.
Будто последняя бездарь,

Строку гоню,
Да, строку гоню.
Не к сроку, не для –
гонорара.
Спешка эта на том же корню,
Что и хлебов - опара.

Чувствую точно:
уже – взошла,
Положение
все – паршивей.
Гонит насос ее из котла
К тестомесильной машине.

Чувствую четко: надо – успеть.
Вымешать –
сунуть в печку.
А дальше – куда?
На поддон? В подклеть?
Если бы знать – местечко.

Я тороплюсь,
Да, я тороплюсь,
Как накануне отъезда.
Сердце разносит. Должно быть – флюс.
Может, и вправду нездо-

Простите –
Нездо-
ровится мне.
Надо бы подлечиться.
Выучиться – зависать в окне

Или
вязать на спицах.

Жаль, не получится ни хера.
Это как у детей: поза-,
Поза-,
Поза-,
Позавчера
Надо было вставать в позу.

Тут – у нас –
Во весь борт –
течь,
Оборваны ветром
снасти.
Так же вот точно гудел бесперечь
Самовар –
перед несчастьем.

Перед каким же несчастьем, Фирс?
Перед волей.
Да, перед – волей.
Но к счастью, здесь
Кончается пирс,
Не на вечном все же
приколе.

Потому что и впрямь
Маячит отъезд.
Вот – Эдинбург.
Вот – Прага.
Не помню, на сколько багаж –
Мест,
Но знаю, в нем есть
Фляга.

Только б успеть,
Да, только б успеть:
Выговориться,
Надышаться,

Пока тебе собирают снедь
Чада и домочадцы.

Подвести
Очень важно – черту.
Еще важней –
Опустошиться.
Чтобы можно, можно было – по ту –
С новой начать страницы.

Пусть гудит себе самовар,
Кого-то лелея и холя.
Дар – он не якорь.
Он – парус, дар.
Я тороплюсь –
На волю.

+ + + +

Бросить работу,
Бросить подругу.
Спать в сапогах,
А когда и в пальто.
Выпасть из ряда,
Выйти из круга
И – чтобы что,
 чтобы что,
 чтобы что?

Знаем, свобода приходит нагая.
Знаем, с ногами садиться за стол.
Черт! И зачем нам свобода такая?
Чтобы почаще ходить на футбол?

О, человеческая чтобычтойность!
О, этот вечный вопрос «А зачем?»
Сладко в забое и весело в штольне,
Только на воле погано совсем.

Нечего бросить,
Не с кем расстаться.
Больше неясно,
Штиль или шторм.
Хочется снова
В шкуру повстанца,
Но – чтобы что,
 чтобы что,
 чтобы что?

Так ли, мой друг, выпадают из ряда?
Так ли, мой брат, размыкается круг?
Что же нам нужно?
Что же нам надо?
Ищем глазами
Крест или крюк?

Как чтобычтомно и как чтобычтошно!

Рабство, свобода – не два ли в одном?
Где тут допущена нами оплошность,
Видно, уже никогда не пойдем.

В море есть рыбы,
В поле есть травы,
В небе, мы помним,
Есть облака.
Дайте «во имя»,
Дайте «во славу»,
Но не икону
И не плакат.

Но тогда что,
тогда что,
тогда что же, -
Скачет наш конь, - тогда как,
тогда как?
И неужели на правду похоже
Только бездумное «А просто так»?

Купим свининки,
Шкварок нажарим,
Сядем все вместе,
Врежем по сто.
Мир во всем мире!
Свет на земшаре.
Смерть чтобы что, чтобы что...

ЧТОБЫ ЧТО?

+ + +

Владимиру Головину

Желание одно – кататься и грустить.
Не мыслить и страдать, а лишь, грустя, кататься.
Оставить свой насест и выучиться жить
В кибитке кочевой, в облезлом пепелаце.

Кататься и грустить – желание одно.
Навылет проходя чужие чьи-то страны,
В чужую чью-то жизнь распахивать окно
И воздухом чужим питаться невозбранно.

Я не про то, что нет-де своего угла.
Он есть. И он тебя все время ставит в угол,
Мол, с возвращеньцем! И накрывает – мгла,
И Карабас в чулан относит бедных кукол.

Я не хочу в чулан. Мне мерзок нафталин.
Мне нужен горизонт – мне и моей печали.
И пусть мы тем ее ничуть не утолим,
Хочу, чтобы печаль. И чтоб меня – катали.

УСПЕХ

Когда понимаешь, что круг интересов очерчен,
(А это теперь происходит годам к сорока),
Когда перемены работ не врываються смерчем
В течение будней, и ты понемногу доверчив
К теченью становишься, и добавляется перчик
за счет добавления разве что в чай молока, –

Тогда и случается нечто, о чем я не знаю
Пока что. Пока что – считай, что ты сделал их всех.
Ты выиграл битву и в форточку выбросил знамя.
В глуши окопался. И кротко питаешься снами,
Пока в тебе бродит и бодрствует юшка земная,
И это – успех.